

Ю. И. Кундиев работает над книгой «Институт сквозь призму эпох». Автор дал согласие на публикацию отдельных глав книги в журнале. Продолжение, начало в № 3–4 /2012, № 1 / 2013, № 2/2013.

ИНСТИТУТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭПОХ

Ю. И. Кундиев

Оборотная сторона медали

Конец 50-х, начало 60-х годов минувшего столетия — период бурного развития науки и техники в нашей стране. Началось широкое использование атомной энергии в мирных целях: строились атомные электростанции, атомными установками оснащались ледоколы. Физики доказывали абсолютную безопасность атомных реакторов, для большей убедительности, заявляли, что их можно строить даже на Красной площади в Москве, — к сожалению, прошло немного времени и мир убедился в обратном.

12 апреля 1961 года началась космическая эра, — впервые был совершен космический полет, Юрий Гагарин увидел Землю из космоса. Ракетостроение потребовало создания новых материалов, развития новых технологий. К этому же времени относится внедрение первых вычислительных машин.

Можно утверждать, что ученые изменили мир. Среди них, прежде всего, следует назвать имена И. В. Курчатова, С. П. Королева, М. В. Келдыша. В России с гордостью говорили о великих трех «К».

Произошли коренные изменения и в медицинской науке. Возникли новые отрасли, такие как радиационная и космическая медицина, биокибернетика, телемедицина и др. Научные достижения внедрялись в промышленность, сельское хозяйство и на транспорте. Увеличилось производство металла, полезных ископаемых, зерна, мяса и молока. Вместе с тем, как оборотная сторона медали, происходило в гигантских масштабах загрязнение окружающей среды — воздуха, воды, почвы. Несомненный факт — научно-техническая революция породила экологический кризис.

Н. В. Лазарев в книге «Введение в гигиену» пишет о гигиенических последствиях, которые возникают в результате человеческой деятельности сначала для населения отдельных регионов, а затем и в глобальном масштабе [1].

Тур Хейердал в экспедициях на «Кон-Тики» и «Ра» даже в центре океана наблюдал расплывшиеся пятна нефти и мусор. В крупных городах Японии лично мне довелось видеть автоматы не с газированной водой, а с озонированным «горным» воздухом. Люди, проживающие вдоль берегов великих рек, с тревогой отмечали, как они постепенно превращались в подобие больших канализационных коллекторов.

Сбылись предсказания В. И. Вернадского о всевозрастающей геологической роли человека. Современный человек настолько технически вооружен, что он в состоянии изменять свойства среды, которая его породила. Это чревато серьезными последствиями, которые в конце 1950-х, начале 1960-х годов были еще не до конца осознаны. Термин Н. В. Лазарева «геогигиена» в последующем заменили термином «гигиена окружающей среды» (я не уверен в том, что последний более полно отражает суть).

Широкая химизация сельского хозяйства привела к глобальному загрязнению всех объектов окружающей среды: микроколичества ДДТ обнаруживали даже во льдах на Северном полюсе, в жире пингвинов. Л. И. Медведь и Ю. С. Каган писали: «Производство химических средств защиты растений в настоящее время уже достигло таких размеров, что они могут оказывать влияние на людей не только непосредственно в местах производства или применения этих веществ, но и повсеместно, на всю биосферу, а следовательно, и на все население земного шара»*.

Ситуацию во многом обострил выход в свет в 1961 году научно-популярной книги «Silent Spring» — «Безмолвная весна», ее автор известная американская журналистка Rachel Carson (по специальности биолог). В издании в острой поле-

*Введение в гигиену: отв. редактор Н. В. Лазарев. — Москва-Ленинград: Наука, 1966. — С. 248.

мической форме описывались отрицательные последствия применения пестицидов для человека, окружающей среды и всего живого [2].

Книга действительно стала грозным предостережением не контролируемого использования пестицидов, о чем свидетельствуют названия отдельных глав книги: «Миф о завтрашнем дне», «Слезы смерти», «Цена человеческой жизни», «Природа еле сдерживает слезы» и т. д. Автор и ранее писала на тему о стремлении человека изменить мир: «На краю моря», «Море вокруг нас», так что обладала достаточным опытом.

На Западе книга сразу же стала бестселлером, выдержала добрый десяток изданий, но в Советском Союзе она издана не была, машинописные копии на русском языке распространялись для служебного пользования. Уже сам этот факт говорит о неординарности произведения, книга буквально взбудоражила весь мир. Общественное мнение, которое ранее было довольно индифферентным к возрастающим масштабам применения пестицидов, резко изменилось. Химические компании обвиняли в том, что они уничтожают природную окружающую среду, наносят непоправимый ущерб здоровью людей. Звучали требования возвратиться к старым технологиям возделывания сельскохозяйственных культур, получения продуктов животноводства — без пестицидов.

Под давлением общественного мнения Президент США Джон Кеннеди создал специальную, весьма авторитетную комиссию для рассмотрения всего комплекса проблем, связанных с использованием пестицидов. В ее составе было несколько нобелевских лауреатов. Результаты работы президентской комиссии составили несколько томов, но основной вывод довольно лаконичный — в обозримом будущем человечество не сможет обойтись без пестицидов, вместе с тем контроль их использования должен быть усилен, создание новых менее опасных препаратов для замены устаревших, прежде всего стойких хлорированных углеводородов, должен проводиться постоянно.

Вскоре по поручению Советского правительства аналогичная комиссия была создана в АН СССР, ее возглавил Президент академик М. В. Келдыш. В состав комиссии был приглашен Л. И. Медведь, другие ученые, кто занимался этой проблемой многие годы. Заключение комиссии было подобно американскому, в нем должное внимание уделялось развитию науки.

«Безмолвная весна» явилась одним из стимулов создания в США Агентства по защите окружающей среды (ЕРА). Среди основных задач, которые пришлось решать этому агентству, была проблема ДДТ. Как известно, именно этот пестицид, его широкое применение и персистентность составили основное содержание книги Рейчел Карсон. 2 декабря 1970 года Президент США Ричард Никсон подписал закон об учреждении ЕРА. Сегодня общая численность агентства превышает 17 000 человек, а бюджет составляет 8 млрд 682 млн долларов США. (Вспоминаю свое первое посещение штаб-квартиры ЕРА, вскоре после его создания, там работало всего лишь 6 человек)

В СССР была создана при Министерстве сельского хозяйства Госхимкомиссия — межведомственный орган. В ее состав входили представители медицинских учреждений. Основная задача комиссии состояла в регулировании использования пестицидов в стране, включая закупки новых препаратов за рубежом.

Проблема пестицидов стала важной государственной проблемой, решение которой требовало соответствующей научно-исследовательской базы. Необходим был всесоюзный центр, обеспечивающий общегигиенический подход в исследованиях, особенно применительно к новым веществам, изучение отдаленных последствий, диагностики и клиники заболеваний химической этиологии. Кроме того, назрела потребность в координации работ в масштабах всей страны (к этому времени около 40 научных учреждений были привлечены к токсикологической и гигиенической оценке пестицидов).

Для подготовки различного рода документов: справок, проектов постановлений и приказов была создана группа сотрудников под руководством Л. И. Медведя. Ю. С. Каган, Ю. И. Кундиев, Е. Н. Буркацкая, Е. И. Спыну писали многочисленные бумаги в различные высокие инстанции, обосновывающие необходимость создания центра, новые научные планы и даже штатное расписание. Л. И. Медведь отвозил их в Москву — в Минздрав СССР, ГКНТ, Совет Министров СССР, ЦК КПСС, там их браковали, сотрудники переделывали их и представляли вновь. Так продолжалось более года.

Параллельно с этим проводилась напряженная исследовательская работа и обобщение данных, накопленных ранее в виде докторских дис-

сертаций. В 1960 году защитил докторскую работу Л. И. Медведь, а в 1961 году — Ю. С. Каган. Е. Н. Буркацкая успешно развернула работу по изучению динитрофенольных пестицидов, а Е. И. Спыну — хлорорганических соединений диенового синтеза. На рабочих местах в лаборатории проводили исследования аспиранты и соискатели из Узбекистана (Т. Искандаров), Таджикистана (А. Якубов), Молдовы (В. Яким), Болгарии (Ф. Калоянова-Симеонова) и других стран. В лаборатории индивидуальной защиты мною развивались начатые в 1956 году исследования по дермальной токсикологии фосфорорганических инсектицидов.

В 1963 году автор этих строк совместно с Е. П. Краснюк, расследуя случай массового отравления людей, столкнулись с совершенно новой ситуацией: отравление возникло не из-за прямого контакта с препаратами, а в результате возделывания сельскохозяйственных культур на площадях, ранее обработанных препаратами. Анализ этого случая требовал специальных экспериментов. Впервые была доказана возможность вторичного поступления хлорорганических соединений или продуктов их деградации из почвы в воздух рабочей зоны в токсических концентрациях [3]. В последующем это многократно подтверждалось. И. Н. Филатова под руководством академика Е. Г. Гончарука доказала один из механизмов образования высоких концентраций пестицидов в атмосферном воздухе на полях при определенных почвенно-климатических условиях. Сущность его заключалась в том, что в результате сорбции испаряющихся с поверхности почвы молекул пестицидов на поверхности водных капель образовывался токсический туман, вызывающий острые отравления у людей [4].

Возникла необходимость установить дополнительный регламент — «сроки выхода». Появилось еще одно доказательство усложнения гигиенических проблем использования пестицидов.

В октябре 1963 года Лев Иванович Медведь предложил мне занять должность заместителя директора Института. Я просил его отложить решение до окончания мною докторской диссертации, но он был непреклонен, заявил мне, что я не понимаю ситуацию и что откладывать нельзя.

В начале 1960-х годов развернулось широкое научное сотрудничество с Институтом электросварки имени Е. О. Патона НАН Украины.

Руководители этого всемирно известного научно-технического и производственного комплекса, создатели новых сварочных технологий и материалов, постоянно, даже в годы войны, уделяли должное внимание условиям труда электросварщиков. Гигиеническая оценка сварочных материалов на стадии до их широкого внедрения в практику, поиск малотоксичных электродов, приемлемых режимов сварки, наконец, установление зависимостей содержания токсических элементов в воздухе рабочей зоны от состава сварочных материалов со временем стали основным предметом совместной деятельности. Эта работа явилась началом коренного оздоровления условий труда сварщиков, основным результатом которой стала ликвидация марганцевого паркинсонизма среди рабочих этой профессиональной группы. Это было величайшим достижением, не имеющим аналогов в мире [5].

По инициативе Б. Е. Патона, пылевая лаборатория, на базе которой проводились эти исследования, была преобразована в лабораторию гигиены труда в электросварочном производстве и токсикологии сварочных аэрозолей.

Эта лаборатория имела творческие связи с Институтом проблем материаловедения НАН Украины. Результаты сотрудничества И. Т. Брахнова обобщила в монографии «Токсичность порошков металлов и их соединений», которая была переведена и издана в США [6].

Оригинальные научные идеи реализовывались и в других лабораториях. В лаборатории гигиены производственного микроклимата, которую к тому времени возглавила ученица Г. Х. Шахбазьяна Ф. М. Шлейфман, изучалось интерметтирующее воздействие высокой и низкой температуры, инфракрасного излучения. Старший научный сотрудник Г. Е. Жирнова, аспиранты Л. А. Добровольский, И. Г. Векслер при помощи санитарных инженеров А. Л. Сатановского, Е. П. Тупчия, И. Л. Плисецкого, лаборанта П. А. Новицкого творчески развивали традиционное направление Института.

А. А. Меньшов, Э. П. Орловская, опираясь на опыт ленинградской школы Андреевой-Галаниной, начали разработку новой проблемы — воздействие импульсного шума и толчкообразной аperiодической вибрации. Результаты этих исследований, проводимых в лаборатории шума и вибрации, представляли большой интерес для космической медицины.

В эти годы в Институт пришли молодые сотрудники и аспиранты — Л. Г. Александрова, В. И. Матюшина, В. В. Паустовская, В. Г. Цапко. Должность ученого секретаря занял В. И. Добряк — хорошо знавший научно-организационную работу, исключительной добросовестности и порядочности человек. Старожилы и новых сотрудников объединяла одна общая идея — достичь новых научных результатов в интересах здоровья работающих. Идейная сторона превалировала над меркантильными интересами.

1960 год был ознаменован выходом в московском издательстве «Медгиз» руководства для врачей «Гигиена труда в сельском хозяйстве» под редакцией А. А. Летавета и Л. И. Медведя. Впервые практические врачи получили довольно полные и хорошо систематизированные сведения по разделу, который за последнее время существенно усложнился и требовал должной подготовки. В написании руководства участвовали многие сотрудники института [7].

После выхода руководства для врачей возникла идея создать научно-популярную книгу для сельского читателя. К написанию отдельных глав были привлечены авторитетные ученые: член-корреспондент АМН СССР Д. Н. Калюжный, профессора И. П. Барченко, Б. А. Кривоглаз, И. Н. Моргунов и др. Редактор-составитель этой книги Л. И. Медведь потребовал от авторов доходчивого и увлекательного изложения рекомендаций по сохранению здоровья тружеников села. В 1963 году эта книга вышла 50-тысячным тиражом, что было значительным даже по тем временам [8].

Научные исследования, проводившиеся в Институте в те годы, привлекали внимание зарубежных ученых. Институт посещали делегации не только из социалистических стран, но и США, Франции, Японии и др. Л. И. Медведь постоянно назначал меня ответственным за прием иностранных делегаций. Сотрудники Института в шутку называли меня «министром иностранных дел» при Л. И. Медведе.

Мне запомнились визиты молодых ученых из Чехословакии — Рудольфа Заградника, Вацлава Бенеша, Алоиса Давида. Они высоко оценивали научные достижения наших ученых, вместе с тем им трудно было понять особенности нашего быта: очереди в магазинах, низкие цены на водку, сигареты. Приходилось отвечать на непростой вопрос: — Почему у вас столь доступно все то,

что вредно для здоровья? У меня установились дружеские отношения с учеными, которые продолжались десятки лет. В последующем Рудольф Заградник был избран членом Национальной академии наук Чехословакии, Алоис Давид был приглашен на работу в штаб-квартиру ВООЗ.

Плодотворное научное сотрудничество на протяжении многих лет развивалось с болгарскими гигиенистами и токсикологами. Многие из них на базе Института выполняли кандидатские и докторские диссертации. Фина Петровна Калоянова-Симеонова, Тодор Попов в Киеве стали докторами наук, а затем в Софии сыграли важную роль в развитии гигиены и токсикологии пестицидов. Ф. Калоянова-Симеонова организовала и была многолетним директором Института гигиены в Софии. Она привлекла в институт многих молодых талантливых исследователей.

В те годы прием иностранных ученых, особенно из капиталистических стран, был связан с преодолением бюрократических препон, большей частью искусственно создаваемых — любая встреча с иностранцами могла состояться лишь после специального разрешения Министерства здравоохранения, которое выдавалось после согласования с партийными органами и КГБ. Это сопровождалось безосновательными подозрениями и необходимостью оправдываться в грехах, которых ты не совершал. Шпиономания сталинских времен продолжалась по инерции еще длительное время.

Весной 1963 года Институт впервые посетила представительная делегация токсикологов США. В ее составе были видные ученые-профессора Стокинжер, Магнуссон, Роу и другие. В Москве и Киеве обсуждался один из наиболее принципиальных вопросов — причины расхождения в величинах допустимых уровней воздействия химических веществ в воздухе рабочей зоны, которые были приняты в СССР и США. Это была первая открытая научная дискуссия на эту тему. Ранее, да и нередко в последующем, прибегали к далеким от науки аргументам — в отношении наших ПДК часто приходилось слышать, что они имеют чисто пропагандистский характер, мы же, в свою очередь, доказывали, что американские лимиты не гарантируют безопасности здоровья работающих, и что в основе их — экономический подход и техническая достижимость [9, 10].

Тема эта не исчерпана и поныне. Но сейчас не нужны околонучные объяснения. Значение дискуссии в 1963 году состояло в том, что она послу-

жила началом личных контактов гигиенистов труда и токсикологов Советского Союза и США. По просьбе членов американской делегации я принимал участие не только в научных дискуссиях, но и в культурной программе. Неофициально они высказывали свое недоумение — как можно достичь столь высокого уровня профилактической токсикологии в учреждениях, оснащение которых желает быть лучшим. Объяснение, что люди решают все, их не удовлетворяло.

В заключение последовало приглашение советским ученым посетить профильные лаборатории США. Ответный визит состоялся в 1967 году.

«Хрущевская оттепель», начавшаяся с критики культа личности Сталина, отличалась непоследовательностью и противоречивостью. На словах сталинизм отрицался с самых высоких партийных трибун, а на деле вся система продолжала функционировать по сталинским нормам. Партийный лидер был и судьей, и прокурором в оценке любых событий, в том числе в творческой сфере.

Вмешательство нового вождя в науку, изобразительное искусство, литературу вызывало, как минимум, разочарование. Он лишился поддержки значительной части интеллигенции. Н. С. Хрущев продолжал поддерживать Т. Д. Лысенко, перемещал институты из столиц на периферию, досталось и авангарду. Он категорически заявлял: «Абстракционизм и формализм есть одна из форм буржуазной идеологии». Народ устал от его безудержного реформаторства, вызывало раздражение постоянное стремление поучать всех и вся. Люди, теперь уже без особой боязни (в этом бесспорная заслуга Н. С. Хрущева), говорили: «Культ у нас есть, а вот личности нет».

В 1959 году подвергся жесточайшей критике Борис Пастернак за поэтический роман «Доктор Живаго», написанный в духе «Серебряного века». Великий поэт был удостоен Нобелевской премии, но травли у себя на родине не избежал. «Разлучить Пастернака с читателями — это, разумеется, преступление» — сказала Анна Ахматова. Преступление было совершено.

В 1962 году с благославения Н. С. Хрущева была опубликована повесть Александра Солженицина «Один день Ивана Денисовича». В этом же году расстреляли протестную демонстрацию рабочих в Новочеркасске, разогнали антихрущевский митинг в Кривом Роге. Страну лихорадило не только из-за ошибок во внутренней политике.

Возник Карибский кризис, грозивший непредсказуемыми последствиями.

В сентябре 1964 года в Кремле произошел «дворцовый переворот». Н. С. Хрущева отправили на пенсию, а его место занял Л. И. Брежнев. Люди ожидали перемен к лучшему, возлагали надежды на положительные результаты в экономике от «косыгинских реформ». Однако вскоре они были заморожены, а затем и вовсе свернуты.

В этих условиях жесткой централизованной экономики создание нового научного учреждения было делом невероятно трудным, а большей частью невозможным. Власть активно поддерживала науку, работавшую на «оборонку» (военно-промышленный комплекс). Финансирование таких институтов было действительно щедрым, руководителям не отказывали ни в чем.

Несмотря на это, Л. И. Медведю удалось доказать на самом высоком уровне необходимость создания нового института. Я помню его рассказ о приеме у А. Н. Косыгина. Основным аргументом Льва Ивановича в пользу создания нового института было сохранение здоровья людей, предотвращение химической опасности, на что будущий глава правительства ответил: «Профессор, сейчас речь идет не о том быть здоровым или больным, а о том, быть живым или мертвым».

В октябре 1964 года союзным правительством было принято постановление о создании в г. Киеве Всесоюзного НИИ гигиены и токсикологии пестицидов, полимеров и пластических масс (ВНИИГИНТОКС) Минздрава СССР. Директором института был назначен Л. И. Медведь. Он начал формировать кадры нового учреждения. Первыми были зачислены в штат сотрудники Института гигиены труда Ю. С. Каган, М. А. Клисенко, Е. И. Спыну, Т. Н. Панышина, Н. К. Стацек и другие, всего более 20 человек.

Меня в этом списке не было. Я чувствовал себя выпавшим из числа тех, кто приложил немало усилий для создания нового института. Мои сетования категорично отверг Лев Иванович: «Киевский институт гигиены труда всем нам дорог, он должен развиваться. Ты должен остаться директором, коллектив хороший, тебя признал. Так что тебе легко будет работать!» И он не ошибся.

Справедливости ради надо сказать, что базой для создания нового института явилась лаборатория токсикологии пестицидов Киевского института гигиены труда. Л. И. Медведь не раз подчеркивал этот факт и

говорил о ВНИИГИНТОКС как о дочернем институте. При жизни Л. И. Медведя это были действительно два родственных учреждения, которых ничто не разделяло. Он оставался постоянным членом Ученого совета Института гигиены труда вплоть до своей кончины. Его участие в обсуждении сложных вопросов всегда помогало принятию всесторонне взвешенных решений.

Литература

1. Лазарев Н. В. Определение, задачи и методы гигиены: отв. ред. Н. В. Лазарев / Н. В. Лазарев // Введение в гигиену. – М-Л.: Наука, 1966. – С. 32–56.
2. Rachel Carson. *Silent Spring* / Rachel Carson. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1961. – 368 с.
3. Кундиев Ю. И. О возможных последствиях внесения гексахлорана в почву / Ю. И. Кундиев, Е. П. Краснюк // Гигиена и санитария. – 1965. – № 1. – С. 99–100.
4. Филатова И. Н. Гигиеническое обоснование мероприятий по профилактике неблагоприятного воздействия токсического тумана при применении пестицидов в свекловодстве: автореф. дис. ...канд. мед. наук: спец. 14.00.07 / И. Н. Филатова. – К., 1989. – 20 с.
5. Кривоглаз Б. А. Состояние здоровья рабочих, производящих сварку в среде углекислого газа / Б. А. Кривоглаз, А. О. Навакатикян, В. Г. Бойко [и др.] // Врачебное дело. – 1973. – № 2. – С. 140–144.

Трудности роста

В декабре 1964 года меня назначили директором Института, до этого больше года я работал заместителем директора. По существу же, с первых дней прихода Л. И. Медведя на пост директора Института в 1952 году я был рядом с ним. Быть директором Института после Л. И. Медведя — задача чрезвычайно трудная. Л. И. Медведь — яркая, многогранная личность. Его самобытность проявлялась во всем: нестандартный, творческий подход к научным проблемам, безошибочное распознавание нового, перспективного, умение располагать к себе людей. К этому следует добавить находчивость и смелость.

В первые годы своего директорствования я замечал, как сотрудники — старожилы сравнивают мои действия, выступления с предыдущим директором. Конечно, это сопоставление было не в мою пользу, я проигрывал. Возникло убеждение, что коллектив признает меня своим лидером только в том случае, если я верой и правдой буду служить

В свою очередь, я был членом Ученого совета ВНИИГИНТОКС, Комитета по изучению регламентации пестицидов, постоянным участником всех важных событий в этом учреждении. Сказывались не только личные взаимоотношения учителя и ученика, но и осознание двумя коллективами важности взаимодействия.

6. Brakhnova I. T. *Environmental Hazards of Metals. Toxicity of powdered metals and metal compounds. Studies in Soviet Science* / I. T. Brakhnova. – NY and London: Consultants bureau, 1975. – 277 с.
7. Гигиена труда в сельском хозяйстве / [под ред. А. А. Летавета, Л. И. Медведя]. – М.: Медгиз, 1960. – 411 с.
8. Книга о здоровье тружеников села / [ред.-сост. Л. И. Медведь]. – М.: Медгиз, 1963. – 296 с.
9. Летавет А. А. Промышленная токсикология и профилактика профессиональных отравлений в химической промышленности / А. А. Летавет, А. И. Корбакова // Журн. Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева. – 1967. – Т. XII, № 3. – С. 242–253.
10. Предельно-допустимые концентрации вредных веществ в воздухе рабочей зоны (отечественные и зарубежные данные) / Московский НИИ охраны труда. – М., 1992. – 139 с.

интересам Института, все личное должно быть подчинено главному. Предстояло разобраться в том, что же есть главное, какие приоритеты на данном этапе.

Сложность положения состояла в том, что Институт сразу, в одночасье лишился многих ведущих сотрудников, они предпочли работать в новом всесоюзном институте, рассчитывая получить не только более высокую зарплату, но и современное оборудование для экспериментальных и полевых исследований. Признаюсь, я им завидовал, но в то же время голову сверлила другая, более плодотворная идея — сделать все возможное, чтобы сравнить потенциал двух институтов — стать равными партнерами. В этот период в Киеве был организован не только ВНИИГИНТОКС, но и целый ряд новых институтов медико-биологического профиля — Институт геронтологии АМН СССР, Институт проблем онкологии АН Украины, Институт эндокринологии, Институт урологии МЗ Украины и др. Вновь создаваемые институты относились по оплате труда

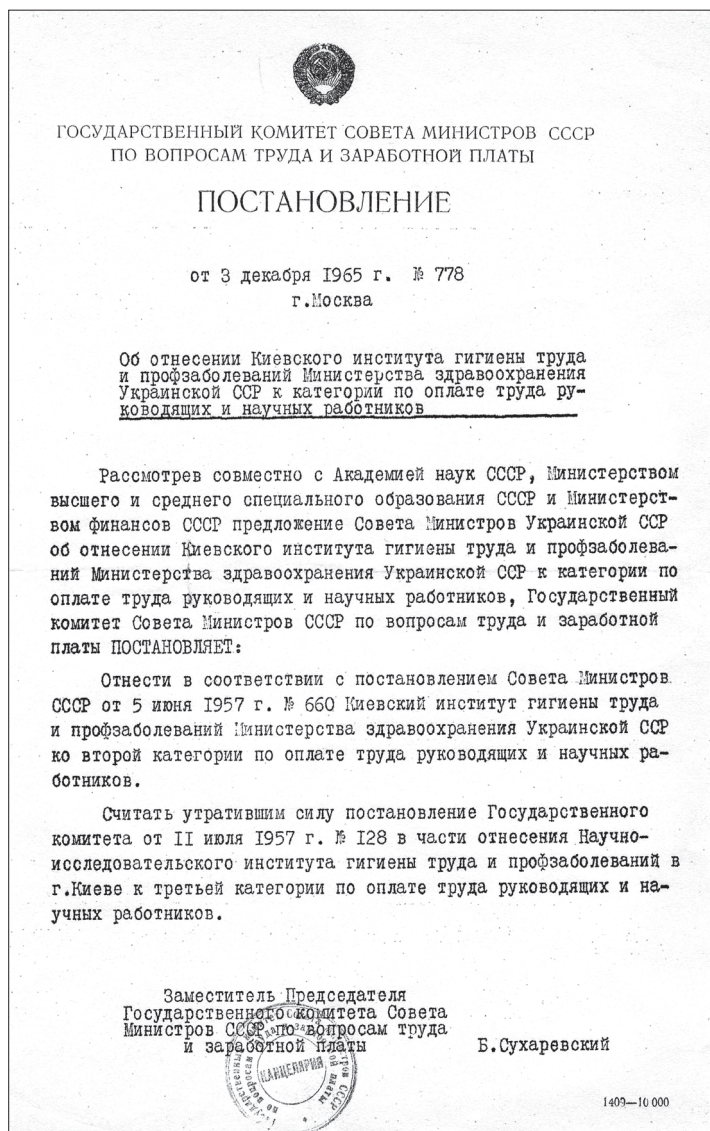
к I или II категории, а Киевский институт гигиены труда и профзаболеваний, как и большинство старых учреждений гигиенического профиля, еще в 1957 году был отнесен к III категории. Естественно, для отдельных сотрудников это обстоятельство явилось причиной для перехода в новые институты. Материальный стимул делал свое дело. В этих условиях трудно было поддерживать, и тем более повышать научный авторитет, сохранять и развивать традиции, особенно в таком важном направлении, как гигиена труда в сельском хозяйстве.

13 апреля 1965 года был составлен акт приема-передачи, который подписали Л. И. Медведь и я [1]. Он представляет несомненный интерес. В акте отмечалось, что в 1964 году в Институте выполнялись 17 научных тем, 10 из них включены в план важнейших НИР. Кроме того, 10 тем выполнялось на основе хоздоговоров. Штатное расписание предусматривало 170,5 должности: из них научных сотрудников — 67, научно-вспомогательного персонала — 85, административного — 10, обслуживающего — 8,5. В Институте работало 5 докторов и 28 кандидатов наук. Общие ассигнования Института на 1964 год составили 374,5 тыс. руб., в том числе за счет госбюджета — 326,9 тыс. руб. В списке аспирантов (октябрь месяц 1965 г.) числилось 13 человек, среди них В. И. Матюшина, В. А. Бузунов, С. А. Мосендз, Н. Т. Тимофеева, В. И. Чернюк.

Мне как новому директору пришлось на время прервать экспериментальную работу и заняться довольно сложным в ту пору делом — переводом Института в более высокую категорию по оплате труда. Было подготовлено множество различных документов — представлений, ходатайств, справок и пр. В них подчеркивалась государственная значимость научных исследований, проводимых в Институте, эффективность от внедрения их результатов в практику. Отмечались успехи в подготовке научных кадров, указывалось, в частности, что за послевоенный период подготовлено 11 докторов и 60 кандидатов наук. В представлении Совета Министров Украины сделан вывод: «...институт по содержанию и объему исследований превзошел требо-

вания, которые предъявляются к институтам третьей категории и заслуживает перевода во вторую категорию».

После длительного рассмотрения в декабре 1965 года Госкомитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы принял постановление об отнесении Киевского института гигиены труда и профзаболеваний Минздрава Украинской ССР ко второй категории по оплате труда руководящих и научных сотрудников. (ниже приводится полный текст Постановления). Эта

Постановление Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы от 3 декабря 1965 года № 778, г. Москва

весть вызвала огромное удовлетворение всего коллектива, ведь речь шла не только об увеличении зарплаты сотрудников, а и о признании важности проблемы и достижений Института.

В середине 1960-х годов коренным образом изменилось отношение властей к науке и ученым. В памяти у всех еще были упреки и окрики Н. С. Хрущева: «Мы своим ученым создаем условия, а они живут, как паразиты... Сколько институтов... Повторяю, их надо разогнать...»* На смену субъективному, а подчас и дилетантскому, пренебрежительному отношению пришло верное понимание науки, как непосредственной производительной силы. Ей справедливо отводилась роль, которая меняла не только характер труда, но и весь материальный и духовный уклад жизни людей. Этому во многом способствовала важная роль науки в военно-промышленном комплексе — гонка вооружений достигла своего апогея.

Новые лидеры страны быстро покончили с хрущевскими реформами: промышленные и сельские парторганизации вновь стали едиными, управление народным хозяйством возвратилось к испытанной централизации, совнархозы ликвидированы, первый секретарь ЦК КПСС вновь стал генеральным.

Но персональный пенсионер напомнил о себе своими мемуарами, чем вызвал замешательство среди партийных идеологов. Жил Н. С. Хрущев на даче в Подмоскowie, в Петрово-Дальнем, там же находился и дом отдыха Минздрава СССР. Не в меру любопытные отдыхающие общались с Никитой Сергеевичем, наблюдали, как он с увлечением занимался выращиванием помидоров и кукурузы. Среди них был и директор армянского филиала ВНИИГИНТОКС Спартак Геворкян — ученик Л. И. Медведя. Человеком он был весьма общительным, однажды напросился к Н. С. Хрущеву в гости. Затем в узком кругу делился впечатлениями. После рюмки хорошего армянского коньяка завязалась беседа. С. Геворкян спрашивает: «Как Вы — человек с таким огромным опытом руководящей работы могли совершить столько ошибок?» Н. Хрущев отвечает: «Понимаешь, по всем вопросам (кроме кукурузы) я слушал мнение ученых, но как политик, многие их советы на свой лад возводил в степень. А с художниками меня просто подстави-

ли, я же в этом ничего не понимаю. Но не в этом главное. А главное состоит в том, — продолжал Н. Хрущев, — что ты выйдешь от меня — опального, бывшего первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР и тебя никто не арестует, это моя заслуга и я ее никому не отдам». Никита Сергеевич не преувеличивал. Так было. В этот период арестовывали только диссидентов и правозащитников. Возврат к сталинским временам был уже невозможным, исторически он себя исчерпал. Правда, в Украине ЦК КПУ во главе с П. Е. Шелестом со всей партийной принципиальностью громил Олеса Гончара за его «Собор», арестам подверглись И. Дзюба, В. Чорновил, И. Свитличный, Е. Сверстюк. В ту пору стандартным было обвинение в украинском буржуазном национализме [2].

В 1966 году в СССР было 4 650 научно-исследовательских учреждений, в них трудилось более 660 тысяч научных работников. Каждый четвертый научный работник в мире был советским [3].

Л. И. Брежнев на XXIII съезде КПСС заявил: «Мы гордимся нашей Академией наук. Она окружена вниманием и заботой партии и народа, беззаветно и преданно служит нашей стране, мировой цивилизации. Величайшие завоевания отечественной науки, которые способствовали возвышению нашей Родины, непосредственно связаны с деятельностью Академии наук СССР».

В минувшие годы продолжали расти и укрепляться академии наук и научные учреждения союзных республик... Важным шагом в дальнейшем развитии науки явилось создание Сибирского отделения Академии наук СССР**.

В 1962 году Академию наук Украины возглавил Б. Е. Патон. Под его руководством за короткое время Академия наук республики стала одним из ведущих центров научно-технического прогресса. Он инициировал создание опытно-конструкторских отделов при большинстве институтов, широко внедрял новые формы связи науки с производством [4].

Институт электросварки имени Е. О. Патона стал признанным мировым лидером. С 1964 года творческое содружество ученых Института с патоновцами постоянно расширялось [5].

Нынешнее отношение властей к академической науке на постсоветском пространстве общеизвест-

*АПРФ ф. 45 оп. 1. Д329 Л.32

**Материалы XXIII съезда КПСС. — М.: Политическая литература, 1966. — С. 63.

но. Но все же необходимо подчеркнуть — основной бедой является то, что не востребованы научные результаты экономикой и обществом в целом. Иначе говоря, экономика, основанная на знаниях, декларируется, а на деле Украина, например, живет за счет металлургии, химической промышленности, сельского хозяйства, а Россия — за счет газа и нефти, пока речь о высоких наукоемких технологиях не идет.

В 1966 году глава советского правительства А. М. Косыгин с гордостью заявил, что СССР в последние годы является страной с самой низкой смертностью. Новый пятилетний план предусматривал усиление профилактики заболеваний. А. Н. Косыгин подчеркивал: «Органы санитарно-противоэпидемической службы должны повысить санитарные требования в первую очередь к руководителям промышленных предприятий и хозяйственных организаций. Особое внимание должно быть уделено борьбе с вирусными заболеваниями, прежде всего, с гриппом, а также с сердечно-сосудистыми болезнями, злокачественными опухолями»*.

Деятельность санитарных врачей в тот период высоко оценивалась на всех уровнях. Наиболее выдающиеся становились Героями Социалистического Труда.

Физиологи труда Института были привлечены к исследованиям по обоснованию перехода на пятидневную рабочую неделю. Данные свидетельствовали, что при проведении необходимых организационно-технических мероприятий на предприятиях, работающих по новому, с двумя выходными днями, заметно увеличивалась производительность труда, улучшались показатели физиологических функций. Координировали эту работу из Москвы.

Решение о переходе на пятидневную рабочую неделю было принято с учетом не только данных, полученных физиологами труда, но и экономистов и пожеланий самих работающих.

Ныне в Украине предпринимаются попытки пересмотреть действующий Кодекс законов о труде, при этом необоснованно предлагается увеличение продолжительности рабочего времени. К сожалению, данные гигиенистов и физиологов труда не учитываются. Такого рода ошибочные решения снижают трудовой потенциал страны, особенно если мыслить категориями будущего [6].

В 1965—1970 годы предпринимались самые разнообразные меры для привлечения в Институт молодых, талантливых специалистов. С целью популяризации Института публиковались статьи в газетах, о значимости исследований информировались партийные органы, через Минздрав Украины добивались направлений выпускников медицинских институтов. Меры оказались эффективными. В эти годы в Институт пришли: В. А. Бузунов — главврач санэпидстанции г. Находки, В. И. Чернюк, Л. М. Краснокутская, Т. Н. Покровская, М. М. Диденко, Г. П. Рожковская — выпускники.

Активную деятельность развернул Совет молодых ученых. Его председатель В. Г. Цапко организовал I Украинское совещание гигиенистов труда, в котором принимали участие не только представители институтов, но и врачи санэпидстанций, медико-санитарных частей промышленных предприятий [7].

Поддержка партийных органов выразилась в том, что отчет директора Института в 1968 году был заслушан на бюро горкома КПУ. Критики было много, но самое существенное состояло в том, что для Института была выделена трехкомнатная квартира в центре города. В Институте долго обсуждали, как ее использовать самым рациональным образом. Было принято решение передать ее профессору А. О. Навакатиану, который дал согласие переехать из Донецка в Киев на должность заместителя директора по научной части. Он ученик выдающегося физиолога павловской школы академика П. К. Анохина. Из Москвы после окончания аспирантуры попал в Донецк в Институт физиологии труда (таким было название Института гигиены труда и профзаболеваний с 1949 г. по 1966 г.). Там он быстро нашел себя, защитил докторскую диссертацию, естественно, свою дальнейшую карьеру связывал с работой в Киеве. Его отец, выдающийся армянский математик, был репрессирован в 30-е годы прошлого столетия. Надо сказать, что и у сына была тяга к математическому анализу. Это подкупало. Я с ним был знаком еще с аспирантских лет, у меня не было сомнений в том, что А. О. Навакатиан будет полезен Институту.

Я планировал с его участием организовать учебу сотрудников и широко внедрять методы математического планирования исследований и анализа их результатов, прогнозирования в гигиене. Все это удалось осуществить. Вскоре была разработана

*Материалы XXIII съезда КПСС.— М.: Политическая литература. 1966. — С. 304.

автоматизированная система для изучения профессиональной заболеваемости. Математический анализ использовался для изучения сердечного ритма, влияния на организм факторов производственной среды. Институт стал лидером среди медицинских учреждений по использованию методов математического и статистического анализа.

А. О. Навакатикян стал заместителем директора Института в 1968 году и успешно работал без малого тридцать лет. Он воспитал плеяду физиологов труда. Среди его учеников доктора наук, профессора А. В. Карпенко, В. В. Кальниш, А. М. Нагорная, А. Л. Решетюк и др. В Институте он стал членом-корреспондентом АМН СССР, академиком НАН и АМН Украины, руководил отделом физиологии труда вплоть до эмиграции в 2000 года. С его именем связана разработка проблемы высокого нервно-эмоционального напряжения, вызванного трудовой деятельностью операторов, влияния утомления и переутомления на здоровье работающих. В Австралии, куда он эмигрировал, был никому не известным профессором. Умер в 2008 году в доме для престарелых. Так закончился жизненный путь видного ученого, попытавшегося найти лучшую жизнь вдали от Института, учеников и друзей.

40-летие Института было отмечено юбилейной научной конференцией, изданием сборника докладов, в которых подводились итоги, намечались задачи не только по традиционным направлениям, но и выдвигались новые, например, гигиена труда в стекольной промышленности (М. Я. Супоницкий, Ф. М. Шлейфман, Е. П. Тупчий), промышленная токсикология (В. В. Паустовская), взаимодействие гигиены и физиологии труда с НОТ (Н. К. Витте, И. М. Эрман).

Через три месяца после юбилея, в Ленинграде, во время заседания на конференции по физиологии труда у Н. К. Витте произошел острый инфаркт миокарда, который внезапно оборвал его жизнь. Физиология труда, коллектив Института потеряли генератора научных идей, ученого широких интересов, воспитателя научных кадров. Ушел из жизни ближайший ученик В. Ю. Чаговца.

Вскоре после смерти Н. К. Витте в Институт продолжать дело отца пришел его сын П. Н. Витте.

Весьма весомым был вклад Института в практическое здравоохранение, некоторые разработки отмечены медалями и дипломами Выставок достижений в народном хозяйстве СССР и УССР. Систематически начал проводиться анализ профессиональной заболеваемости (М. А. Ершова).

С 1964 года ежегодно стал издаваться межведомственный сборник «Гигиена труда» [8, 9].

После образования ВНИИГИНТОКС Институт не только не прекратил заниматься гигиеной применения и токсикологией пестицидов, более того, значительно расширил исследования в этой области. Объектом исследований на многие годы был избран новый класс химических соединений — производные карбаминовых, тио- и дитиокарбаминовых кислот.

Расширились объемы исследований по гигиенической оценке машин, применяемых при работе с пестицидами в полеводстве и садоводстве (В. Г. Цапко). В лабораторию пришли новые сотрудники: И. А. Анина, В. Н. Карпенко, А. И. Олефир, И. Л. Медведь, Т. В. Дядичева, Л. А. Матохнюк и др.

Вопросы интермиттирующего действия, а также комбинированные эффекты химических веществ и шума явились новыми в деятельности лаборатории, которую возглавила Е. Н. Буркацкая. Работы, как правило, проводились в комплексе с другими лабораториями: аналитической химии (Г. А. Хохолькова), биохимии (В. А. Остроухова), морфологии (М. Б. Рапопорт).

В эти годы в Институте впервые было начато изучение токсических свойств антибиотиков с целью установления допустимых уровней воздействия в воздухе рабочей зоны (В. В. Паустовская, Л. М. Краснокутская).

В этот период совершенствовалась структура Института. В 1965 году была организована в помощь Минздраву лаборатория гигиенической экспертизы промышленного проектирования. Ее возглавила опытный специалист, энтузиаст этого дела О. В. Чебанова. В 1969 году был создан отдел научной медицинской информации, тогда это был первый отдел такого рода в системе Минздрава Украины. Его возглавил Л. А. Добровольский, к тому времени возвратившийся после работы в Европейском бюро ВОЗ. В качестве переводчиков и специалистов по научной медицинской информации работали Н. Н. Ермакова и Л. А. Рыжова (Янковская). В состав отдела информации вошла научная библиотека. Формированию ее фонда во все периоды придавалось важное значение. Одно время в институте имел хождение переиначенный афоризм К. Станиславского: «Театр начинается с вешалки, а научный институт — с библиотеки». Следует также отдать должное сотрудникам библиотеки Е. И. Фиглиной, Е. Ф. Черкаловой, Т. Г. Верещак,

много сделавшим для того, чтобы она стала лучшим собранием специальной литературы.

В этом же году Постановлением Совета Министров Украины институтская лаборатория по изучению шума и вибрации была преобразована в Центральную республиканскую гигиеническую и техническую лабораторию по борьбе с производственным шумом и вибрацией. По существу, она явилась базой соответствующей правительственной комиссии, которую возглавлял один из заместителей Председателя Совета Министров Украины. (Долгие годы возглавлял комиссию В. Семичастный — председатель КГБ в хрущевские времена) Это помогло построить вибростенд и акустическую камеру, привлечь новых сотрудников. Но самый большой выигрыш состоял в том, что на высоком правительственном уровне обсуждались гигиенические проблемы, принимались решения относительно внедрения профилактических мер.

Новые задачи, которые постоянно возникали перед Институтом, по-прежнему требовали притока молодых научных кадров. В 1969—1970 годы я сам напросился в Минздраве на роль председателя Государственной экзаменационной комиссии. Это дало возможность отобрать в Институт наиболее талантливых выпускников санитарно-гигиенического факультета Киевского медицинского института. Среди них Г. Е. Верич, П. Н. Витте, В. Ф. Витер, Л. Н. Горбань, М. И. Захаренко, А. Н. Каракашян,

Е. А. Коломийченко, А. В. Карпенко, В. Ф. Торбин, Н. А. Скидан и др. Пройдя в Институте хорошую школу, они стали кандидатами и докторами наук, некоторые из них в настоящее время возглавляют кафедры, лаборатории и отделы.

Это новое поколение Института находилось в расцвете творческих сил, продолжало вносить свой вклад в развитие науки и практики медицины труда. На его долю выпали особого рода трудности — получив воспитание и пройдя становление в условиях одной общественно-экономической формации, реализовывать свой потенциал приходилось в совершенно другой. Переоценка ценностей в переходные периоды всегда сопровождалась ломкой основ. Но опыт прошлого учит — устоять должны вечные категории: честь, достоинство, верность долгу и служение людям. А для ученых это еще и объективность, последовательность, творчество вопреки всему. Важно найти в себе силы противостоять временным явлениям.

О существующей опасности предупреждает одна из мудростей Екклесиаста: «...как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них»*.

К чести подавляющего большинства ученых Института, в том числе и представителей этого поколения, они не запутались в силках, а преодолели бедственное для науки время.

Литература

1. Акт приема передачи дел по Институту от 13.04.1965 г. Архив Киевского НИИ гигиены труда и профзаболеваний.
2. Очерки истории Украины / ред. П. П. Толочко. — К.: Киевская Русь, 2010. — С. 417.
3. Материалы XXIII съезда КПСС. — М.: Политическая литература, 1966. — С. 63.
4. Походня И. К. Жизненный и творческий путь Бориса Евгеньевича Патона / Походня И. К. // Б. Е. Патон: 50 лет во главе академии. — К.: Академперіодика, 2012. — С. 33.
5. Кундиев Ю. И. Вклад академика Б. Е. Патона в оздоровление труда электросварщиков / Ю. И. Кун-

диев // Б. Е. Патон: 50 лет во главе академии. — К.: Академперіодика, 2012. — С. 592.

6. Проблеми питань тривалості робочого дня, подовжених та нічних робочих змін: історико-соціальні та медико-гігієнічні аспекти (огляд літератури та власних досліджень). / Кундієв Ю. І., Чернюк В. І., Яворовський О. П., Бобко Н. А. // Журнал Національної академії медичних наук України. — 2013. — Т. 19, № 1. — С. 75.

7. Вопросы гигиены труда (материалы Первого украинского республиканского совещания молодых гигиенистов труда). — К.: Здоров'я, 1965. — С. 102.

8. Гигиена труда. — К.: Здоров'я, 1964. — С. 269.

9. Гигиена труда. Вып. 35. — К.: Академперіодика, 2004. — С. 567.

Поступила: 08.07.2013 г.

Контактное лицо: Кундиев Юрий Ильич, ГУ «Институт медицины труда НАМН Украины», ул. Саксаганского, д. 75, г. Киев, 01033. Тел.: + 38 0 44 284 34 27.

*Книга Екклесиаста или проповедника. Глава 9, п. 12. — Калининград: Изд. «Янтарный Сказ», 2002. — С. 186.